

Боевые Красные Знамена в 1941–1942 гг.

Начало Великой Отечественной войны стало рубежным событием в развитии советской знаменной системы. Боевое Красное Знамя являлось символом воинской чести, доблести и славы, мощным идеологическим инструментом. Оно использовалось для воспитательной работы в войсках, но фрагментарно и бессистемно. Узнавая об истории знамени конкретной части, воины должны были приобщаться к революционному прошлому, ощущать ответственность за судьбу СССР.

По мнению В.Л. Минера, годы Великой Отечественной войны показали, что воинские традиции, связанные со знаменной системой, имели существенное воспитательное воздействие на личный состав. Известно много примеров, когда воины демонстрировали верность Боевому Красному Знамени. В условиях войны возросла роль морального фактора, с которым бытование знамен было теснейшим образом связано¹.

В пропагандистской работе среди войск Красное Знамя стало одним из основных элементов. Перед ним воины давали присягу и клятву драться с врагом, «не щадя своей жизни и крови». Например, на степном плацдарме в районе Сталинграда по приказу командира 158-го танкового полка у знамени был выстроен личный состав, после чего зачитан известный приказ «Ни шагу назад!» Солдаты и офицеры поклялись отстоять «твердыню на Волге»².

В 1941 г. советская знаменная система пополнилась еще одним элементом. Решением Ставки верховного главнокомандования от 18 сентября 1941 г. № 308 появились первые гвардейские части и, соответственно, гвардейские знамена. Одно из первых награждений гвардейским знаменем произошло 2 декабря 1941 г. в 100-й стрелковой дивизии, переименованной в 1-ю гвардейскую. Полковые и дивизионные гвардейские знамена отличались иконографически тем, что на одной стороне полотнища находился вышитый профиль В.И. Ленина с лозунгами «За нашу Советскую Родину СССР» и «Смерть немецким оккупантам», а на другой – гвардейский знак, окаймленный венком из дубовых листьев. Гвардейские корпусные знамена несколько отличались от знамен полков и дивизий.

¹ Шатунов Г.П. Символ воинской чести, доблести и славы. М., 1975. С. 23.

² Лукасюк А.П. Танкисты 36-й гвардейской танковой бригады. М., 2005. С. 36.

В годы войны всячески подчеркивалась священность и важность Боевого Красного Знамени, слава которого являлась одновременно и славой части. В клятве гвардейцев указывалось, например: «Клянемся не щадить своих жизней для защиты и сохранения знамени нашего полка, ибо это знамя – символ свободы, чести и независимости нашего великого советского народа, символ борьбы и побед за дело Ленина – Сталина, за нашу Советскую Родину»³. В начальный период войны знамя предстает как знамя, борющееся с врагом, и знамя страдающее. Несмотря на несколько успешных боевых операций на фронтах, в целом первые два года войны были неудачными для воинских формирований Красной армии.

Важным этапом в развитии советской знаменной системы был указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 декабря 1942 г., объявленный приказом народного комиссара обороны № 405 от 24 декабря 1942 г. В нем законодательно закреплялся особый статус и положение знамени в частях Красной армии. Знамя трактовалось как символ воинской чести и доблести, связывающий воинский коллектив и напоминающий о долге⁴. Принятие присяги у знамени становилось серьезным пропагандистским событием, воин давал клятву погибшим товарищам, что особо подчеркивалось: «Получив Красное Знамя полка, весь офицерский, сержантский и рядовой состав дал клятву, что Красное Знамя, омытое кровью лучших сынов нашего народа, мы будем беречь как зеницу ока»⁵. В некоторых приказах имена героев перечислялись⁶. Подчеркивалась связь личного состава с павшими товарищами. Через такую пропаганду командование стремилось сформировать в войсках идею о преемственности знаменных традиций и чувство сопричастности к судьбе государства.

В начале Великой Отечественной войны сложилась непростая ситуация с обеспечением воинских формирований знаменами. В архиве нами была обнаружена переписка об обеспеченности соединений и частей Северо-Западного фронта знаменами, она датирована 31 августом – 14 декабря 1941 г. Из Управления мобилизации и укомплектования войск Главного управления формирования и комплектования войск Красной армии в штаб фронта поступило указание о необходимости представить заявки на необходимое количество Боевых Красных Знамен. Для частей и соединений фронта было затребовано 63 знамени, из них 11 дивизионных и 52 полковых. В частности, 11-й армии требовалось 4 дивизионных и 12 полковых знамен, а в нали-

³ Центральный архив Министерства обороны (далее ЦАМО). Ф. 208. Оп. 2526. Д. 101. Л. 9–20.

⁴ Соколов В.А. Вексиллологический справочник по флагам Российской империи и СССР: в 2-х т. Т. 1. М., 2002. С. 395.

⁵ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8771. Д. 17. Л. 103, 129, 154.

⁶ Там же. Л. 104.

чий находилось на тот момент только 1 дивизионное и 6 полковых знамен⁷, то есть имели знамена меньше половины частей и соединений 11-й армии.

Аналогичная ситуация складывалась в конце 1941 г. и на Северо-Западном фронте в целом. Большинство его частей и соединений знамен не имело⁸. При этом данные документов о соотношении между количеством затребованных знамен и боевым составом Северо-Западного фронта противоречивы. Заявленных знамен больше, чем дивизионов и полков в его составе, причем такая ситуация повторялась каждый месяц.

Больше половины формирований Юго-Западного фронта на 31 декабря 1941 г. также не были обеспечены знаменами⁹. Например, на 1 декабря 1941 г. 62-й стрелковой дивизии 40-й армии Юго-Западного фронта не хватало четырех полковых знамен¹⁰, а ведь по штатам военного времени в нее входило всего четыре полка (три стрелковых и артиллерийский). В других стрелковых формированиях и родах войск ситуация существенно не отличалась.

Однако знамена вновь сформированным, не кадровым воинским частям вручались вполне оперативно. Согласно постановлению Ленинградской армии народного ополчения 4 июля 1941 г. были созданы две дивизии народного ополчения. 10 июля состоялось собрание командно-политического состава 2-й дивизии и назначен ее командир. На следующий день, 11 июля, полкам народного ополчения уже вручались Красные Знамена¹¹. Дело в том, что 12 июля дивизия вступала в бой и медлить со знаменами не стали. Такую ситуацию можно рассматривать как идеологический шаг, который должен был способствовать укреплению морального духа ополченцев.

В 1942 г. обеспечение знаменами не улучшилось. Например, к маю 1942 г. большинство формирований Волховского фронта не были ими обеспечены. В качестве примера для анализа нами выбраны две дивизии 4-й армии в составе указанного фронта, усиленные минометными дивизионами, саперными батальонами и батальонами связи. В 44-й стрелковой дивизии знамен не имели три стрелковых полка, артиллерийский полк, отдельный минометный дивизион, отдельный саперный батальон и отдельный батальон связи, а в 305-й стрелковой дивизии ими не были обеспечены три стрелковых полка, артиллерийский полк и отдельный минометный дивизион¹².

⁷ ЦАМО. Ф. 221. Оп. 1364. Д. 37. Л. 163.

⁸ Ср.: Гуркин В.В., Грылев А.Н., Маланын К.А. Боевой состав Советской армии. Ч. I: Июнь – декабрь 1941 г. М., 1963. С. 40, 50, 61, 72; ЦАМО. Ф. 221. Оп. 1364. Д. 37. Л. 156–159.

⁹ ЦАМО. Ф. 229. Оп. 209. Д. 4. Л. 248–250.

¹⁰ Гуркин В.В., Грылев А.Н., Маланын К.А. Указ. соч. Ч. I: Июнь – декабрь 1941 г. С. 75; ЦАМО. Ф. 229. Оп. 209. Д. 4. Л. 235.

¹¹ Рохмистров В.Г. Дивизия без вести пропавших. Несколько дней июля 1941 года на Лужском рубеже обороны Ленинграда. СПб., 2014. С. 76–77, 94.

¹² ЦАМО. Ф. 204. Оп. 93. Д. 49. Л. 1, 4; Грылев А.Н., Гуркин В.В., Щитов-Изотов И.И. и др. Боевой состав Советской армии. Ч. II: Январь – декабрь 1942 г. М., 1966. С. 80.

Отступление советских войск в 1941 г. сопровождалось окружением воинских частей. Вместе с частями в окружение попадали и знамена. Бойцы и офицеры понимали, что их необходимо спасти любой ценой. В 1941 г. военнослужащие проявляли массовый героизм, спасая боевые знамена. Примеров этому множество. Например, 22 – 24 октября 1941 г. в окружение попал 87-й стрелковый полк¹³. Прострелянное во время боев знамя вынес писарский состав штаба полка: младший сержант Бушмакин, красноармейцы Батуев, Сотыев, Зонов. Они ползли под обстрелом противника, но знамя было спасено¹⁴. В одном из архивных документов, относящихся к 215-й стрелковой дивизии, сообщалась следующая история: в сентябре 1941 г. водитель штабного автобуса попал под обстрел танков противника и был тяжело ранен. Однако сумел выхватить из разбитой машины знамя, спрятать его на груди и отползти на безопасное расстояние¹⁵. Важно отметить, что солдат спасал знамя по собственной инициативе, в ситуации смертельной опасности, выбирая рисковать жизнью ради знамени или покинуть место. В октябре 1941 г., как указывают документы, «красноармейцы-коммунисты Бессонов Александр Васильевич и Чураков Геннадий Савватьевич вынесли боевые знамена полка»¹⁶. Под руинами Брестской крепости было найдено знамя 84-го стрелкового полка¹⁷.

Вспоминая бои 15 октября 1941 г., генерал-лейтенант К.Ф. Телегин упоминал эпизод боевых действий, случившийся в полосе действия 3-го батальона 322-го полка: «Район обороны 3-го батальона был прорван, связь и управление в полку нарушены, командный состав с боевыми знаменами попал в окружение...». В результате прорыва из окружения комиссарами Г.М. Мартыновым и Ярцевым, сержантом Ждановым были спасены знамена 17-го Краснознаменного имени М.В. Фрунзе стрелкового полка и 66-го гвардейского артиллерийского полка¹⁸.

Участник боевых действий на Волховском фронте В.И. Ремишевский вспоминал: «Нас из батальона связистов [23-й отдельной стрелковой бригады. А.Д.] вышло 15 человек. Комиссар нам сообщил, что знамя бригады вынес начальник секретной части старший лейтенант Смирнов»¹⁹. Боевое знамя бригады сейчас хранится в Центральном музее Российской армии²⁰.

¹³ Впоследствии 87-й Гвардейский Краснознаменный им. Фрунзе стрелковый полк.

¹⁴ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2526. Д. 101. Л. 6.

¹⁵ Там же. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 86. Л. 18.

¹⁶ Там же. Ф. 208. Оп. 2526. Д. 101. Л. 196. Прорыв из окружения датирован 22 октября 1941 г.

¹⁷ Лисенков М.И. Знамя части – символ воинской чести, доблести и славы. М., 1954. С. 21–23; Серых В.Д. Воинские ритуалы. М., 1981. С. 40.

¹⁸ Телегин К.Ф. Не отдали Москвы. М., 1968. С. 196.

¹⁹ Гаврилов Б.И. Через «Долину смерти». Подвиг и трагедия Волховского фронта. Январь – июнь 1942 г.: в 2-х т. Т. 2. М., 2004. С. 217.

²⁰ Там же. С. 218.

В полосе действия 894-го артиллерийского полка военнослужащие также совершили подвиг по спасению знамени. На выходе из окружения погиб начальник связи дивизиона лейтенант Н. Ушаков, который вместе со старшим лейтенантом П.П. Дмитриевым вынес боевое знамя полка²¹.

В годы войны существовала практика оформления документов о передаче знамен, вынесенных из окружения. Передающий знамя писал расписку, в которой указывал, кто и при каких обстоятельствах выносил знамя из окружения. Составлялся акт, в котором указывалось, кто передал и кто принял знамя, обстоятельства его спасения²². В некоторых случаях оформлялся не акт, а справка или именованное документа не указывалось, просто сообщались обстоятельства спасения и передачи знамени²³. Процедура передачи не была регламентирована и зависела от ситуации, при которой происходила. В спокойной обстановке, в тылу оформлялись расписки, и комиссия из нескольких человек (обычно из отдела укомплектования) принимала знамя. В ситуации прорыва из окружения знамя мог принять политрук на основании только расписки или вообще без документов.

Когда для воинских соединений в ходе боев складывалась угрожающая ситуация, командиры часто принимали решение об эвакуации документов и знамени. Например, когда в ходе боев 8 августа 1941 г. для танкового полка Ленинградских краснознаменных бронетанковых курсов усовершенствования командного состава сложилась крайне тяжелая ситуация, его командир майор Беспрозванов приказал эвакуировать штаб и штабные документы, карты и знамя²⁴.

Следует отметить, что в начале войны советским войскам иногда удавалось захватывать знамена противника. Захват знамени во все времена считался проявлением доблести и моральной победой над врагом, Великая Отечественная исключением не стала. Так, в красноармейской газете «Ворошиловец» сообщалось: «Взяв неприятеля в плен, наш старшина (тов. Колесник) подсчитал трофеи: бронемашин – 1, пулеметов – 1, воинское знамя – 1, папки с документами, много боеприпасов»²⁵. В другом случае знамя было захвачено во время атаки на немецкий штаб. «В результате атаки истребительного полка под руководством Татарина И.В. на штаб 4-го мотопехотного полка противника из состава 6 танковой дивизии вермахта были захвачены документы и знамя»²⁶. В качестве трофеев попадались также нацистские флаги. В период октябрьских боев 1941 г. на Калужском

²¹ Гаврилов Б.И. Указ. соч. С. 258.

²² ЦАМО. Ф. 229. Оп. 209. Д. 4. Л. 69, 324, 327, 329.

²³ Там же. Л. 322–323.

²⁴ Рохмистров В.Г. Указ. соч. С. 386.

²⁵ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2526. Д. 101. Л. 237.

²⁶ Рохмистров В.Г. Указ. соч. С. 316–317.

направлении, в район Детчино 4-й батальон подольских курсантов выбил немцев из населенного пункта Устье, при этом у врага было захвачено «две штабные машины с радиостанцией, флагом, офицерским парадным обмундированием, оружием и документами»²⁷. Со временем у советских солдат складывалось определенное представление о немецких знаменах (надписи, иконография, материал и др.).

В начале Великой Отечественной войны знамена часто попадали к врагу и, видимо, изучались не только на предмет наименования воинского соединения, нанесенного на полотнище, но анализу подвергались также материал, иконография и общий вид. Противник имел четкое представление о знаменах Красной армии. Эта информация могла использоваться при совершении диверсий для конспирации. Так, в июле 1941 г. на Лужском рубеже обороны диверсионная группа немецкого лейтенанта Граберта, переодетая в советскую форму, зашли в село Ивановское для сбора информации под красными знаменами. Получив необходимые сведения у местных жителей, группа ушла, никого не тронув²⁸.

Спасение и сохранение Красного Знамени считалось безусловно героическим поступком, подвигом, но нам не удалось установить фактов награждения военнослужащих за это. Показательно, что были случаи награждения за сохранение и спасение знамени гражданского населения. Например, орденом Красного Знамени был отмечен школьник Константин Кононович Кравчук²⁹.

Известно о сохранении знамени 213-го стрелкового полка, которое спас колхозник Никифор Илларионович Ткаченко. В документах ситуация была описана следующим образом: «В октябре месяце 1941 года на хутор КРЫЖАНОВКА Покрово-Богачанского района Полтавской области, где жил Ткаченко и который был оккупирован немцами, к нему ночью явились два командира Красной армии – подполковник Курмышев Леонтий Васильевич и лейтенант Блинов Григорий Спиридонович, которые попросили Ткаченко переодеть их в гражданскую одежду, чтобы им легче было выйти из окружения. Переодевшись в гражданское платье, подполковник Курмышев перед уходом передал Ткаченко на хранение Красное знамя 213 стрелкового полка, сказав ему, чтобы он хранил Красное знамя до прихода частей Красной армии»³⁰. Ткаченко сохранил знамя до сентября 1943 г., до момента освобождения хутора частями Красной армии. В конце сентября Ткаченко был мобилизован и зачислен в 737-й стрелковый полк 206-й стрелковой дивизии. Вместе со знаменем Ткаченко передал командованию 206-й стрел-

²⁷ Телегин К.Ф. Указ. соч. С. 170.

²⁸ Рохмистров В.Г. Указ. соч. С. 172.

²⁹ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686043. Д. 61. Л. 111.

³⁰ Там же. Ф. 236. Оп. 2677. Д. 39. Л. 32.

ковой дивизии петлицы и галуны подполковника Курмышева, его записку с адресом семьи, а также удостоверение личности и медальон адъютанта командира 168-го стрелкового полка лейтенанта Блинова³¹. По приказанию командующего войсками фронта, красноармеец Ткаченко был представлен к правительственной награде³².

Однако так происходило не всегда. При отступлении в 1941 г. из села Новосальцы Тальновского района Киевской области неизвестный лейтенант Красной армии оставил у гражданки Цвященко знамя 133-го стрелкового батальона. При освобождении села советскими войсками знамя было передано командованию, а Н.Ф. Цвященко 22 июня 1944 г. была награждена орденом Красной Звезды³³.

Несмотря на случаи героического спасения знамен, в начале войны многие из них были захвачены противником. Закон требовал, чтобы в случае потери знамени из-за малодушия командир войсковой части и ее командный состав подлежали суду военного трибунала, а сама часть расформировывалась. Однако на практике такая норма приводилась в исполнение не всегда. Отметим, что бытует расхожее мнение, что за утерю знамени виновные приговаривались к высшей мере наказания. Проработанный нами архивный материал не позволяет говорить о том, что мерой наказания всегда становился расстрел. В известных нам документах нет свидетельств, подтверждающих применение данной санкции. Определяя степень наказания, учитывали ситуацию, при которой знамя было утеряно.

Так, по вине лейтенанта Павлова, которому инкриминирована халатность, знамя 573-го батальона связи было украдено. Наказанию подвергся капитан Рутковский, который выдал знамя лейтенанту, хотя Павлов не имел доверенности и специальной охраны. Мера наказания: понижение в должности, 15 суток ареста, удержание 50 % зарплаты³⁴.

При пропаже знамен в 44-й гвардейской стрелковой дивизии виновные понесли более суровое наказание. Военный комиссар штаба дивизии старший батальонный комиссар Васин приказал командиру комендантского взвода капитану Устинову снять с древка знамена, завернуть их в плащ-палатку, вложить в сумку от противогаза и выделить одного бойца для ее ношения. Капитан Устинов поручил выполнение приказа старшине Пестову. Он, в свою очередь, передал сумку со знаменем рядовому бойцу Тучину. Сумка находилась у него без положенной охраны и перевозилась на подвездах. После прибытия дивизии в очередное место дислокации обнаружилось, что она утеряна. Рядовой Тучин, узнав об этом, сразу же застрелил

³¹ ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2677. Д. 39. Л. 32.

³² Там же. Л. 35.

³³ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 1282. Л. 174–176.

³⁴ Там же. Ф. 388. Оп. 8771. Д. 17. Л. 222.

ся. Военный трибунал приговорил капитана Устинова к 10 годам лишения свободы, старшину Пестова – к 7 годам. Оба были направлены на фронт, по всей видимости, в штрафную роту и в боях под деревней Донецкая Кроловка погибли. В отношении командира дивизии, начальника штаба, военного комиссара дивизии и военного комиссара штаба дивизии вопрос был решен в дисциплинарном порядке Военным советом 1-й гвардейской армии. Командование фронта обращалось к начальнику Генерального штаба Красной армии со следующей просьбой: «Учитывая, что утеря 44[-й] гвардейской дивизией Боевого Красного Знамени и гвардейского Красного Знамени произошла не на поле боя и не в результате проявления личным составом дивизии трусости, ходатайствую о выдаче 44[-й] гв[ардейской] стрелковой дивизии нового гвардейского знамени взамен утерянного»³⁵. Ходатайство было удовлетворено.

В другом случае пропало знамя 16-го стрелкового полка. Полк оказался в окружении и втянулся в сражение. По окончании боя был обнаружен сейф, но Боевого Красного Знамени полка в нем не оказалось, осталась только грамота. Проверка прокуратуры по этому делу результатов не дала. По архивным данным видно, что дело завершения не имело³⁶.

Показательный случай произошел со знаменем 37-го стрелкового полка. Оно было найдено красноармейцем 745-го отдельного истребительно-противотанкового артиллерийского дивизиона Н.А. Ситуком в районе деревни Забегаевка и передано в политуправление Западного фронта³⁷. В данном случае не совсем понятна формулировка источника – «найденно знамя». Если его утеряли, а потом нашли, то виновные должны были быть неминуемо наказаны. По крайней мере, должно было состояться разбирательство, но последствий этот случай не имел.

Таким образом, в случае утраты знамени вопрос решался исходя из конкретной ситуации, а не в строгом соответствии с законом.

Боевое Красное Знамя играло важную роль в процессе складывания ментальности советского воина, но использование его в качестве воспитательного инструмента в начальный период войны не было системным, к нему обращались сравнительно редко. В условиях отступления Красной армии по-другому поставить работу со знаменем не представлялось возможным по объективным причинам.

Советским солдатам и офицерам было свойственно восприятие знамени как символа чести и достоинства, понимание его священности. Подтверждают это героические поступки по спасению знамен в различных, иногда сложных боевых ситуациях. Об определенном уровне вексиллологической

³⁵ ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2338. Д. 139. Л. 226–228.

³⁶ Там же. Ф. 388. Оп. 8771. Д. 17. Л. 390, 388, 384, 358, 222.

³⁷ Там же. Ф. 208. Оп. 2526. Д. 331. Л. 572.

культуры в советском обществе свидетельствуют также случаи сохранения знамен гражданским населением.

В 1941–1942 гг. советская знаменная система развивалась в условиях устаревшей правовой базы. Укомплектованность знаменами была неполной, поскольку формировалось и перестраивалось большое количество воинских частей и соединений. Идеологическое и иконографическое содержание знамен не отражало новую историческую реальность. Смысл военных действий заключался не в победе мирового социализма и единения пролетариев разных стран, война велась за независимость Советского государства.